

ВЕРХОЛАЗЫ

АНДРЕЙ ЩУПОВ

Андрей Щупов

Верхолазы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63470872
ISBN 9785005189981*

Аннотация

В сборник вошли две повести Андрея Щупова: «Верхолазы» и «Дети хлебных времен». Главные персонажи произведений – не люди, однако повествование ведется именно о нашей человеческой жизни. Только вот рассматриваться она может очень по-разному – например, через боевой прицел небесных стражей или прищуренный взгляд наших ближайших соседей. С присущим автору юмором книга затрагивает достаточно серьезные темы – такие, как попытка выжить на этой планете, дружба, любовь к ближнему.

Содержание

ВЕРХОЛАЗЫ	5
ДЕТИ ХЛЕБНЫХ ВРЕМЕН	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Верхолазы

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-0051-8998-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕРХОЛАЗЫ

«Хорошо не просто там, где нас нет, а где нас никогда и не было!»

Михаил Жванецкий

Для сухой констатации факта следовало отметить: весна вступала в решающую фазу. Намолчавшиеся за зиму птицы уже не просто свистели, они горланили во всю ивановскую, глуша посвист ветра, шелест листвы и звон мошкары. Петр любил весну и плохо переносил пернатых. Можно сказать, едва терпел. Однако терпеть все же приходилось – в силу служебной необходимости.

С луком через плечо и кожаным колчаном возле пояса, он аккуратно перебирался с ветки на ветку, спускаясь ниже и ниже. Непрошенная, пришла на ум мысль о том, что со стороны он, должно быть, напоминает насекомое, копошащееся в зеленой шерсти Земли. Заросшее лицо планеты, ее шкура и мех обеспечивали кровом миллионы затейливых тварей. Впрочем, надолго ли? В последнее время гамоны все больше постигали искусство земных парикмахеров, выбривая тут и там целые пустыни. Такое у них было странное хобби. Петр любил облака и лесные чащи, гамоны любили пустыни.

Он одолел еще десяток саженей, и внизу показалась земля. Жилы разбегающихся корней, клочковатая, напомина-

ющая ворс давно не чищенного коврика трава. Неподалеку от дерева Петр сразу приметил парочку гамонов – кудлатого мощного самца и изящную самочку. Чутье не подвело охотника, он вышел точь-в-точь к нужному месту.

Стараясь двигаться бесшумно, Петр спустился ниже и осторожно стянул с плеча лук. Можно было приступить к задуманному, но в это самое мгновение он разглядел качнувшуюся среди листвы кучерявую макушку коллеги. Увы, оказалось, Петр здесь не один. Еще один верхолаз, обхватив ногами толстенную ветку, целился в парочку из базуки. Серебристый поясok, кокетливая сумка через плечo, – уже по одним этим атрибутам Петр сообразил, кого именно тот выбрал в качестве жертвы. Нижняя губа охотника оттопырилась. «Серебристых» амо не любили – и не любили вполне справедливо. Петр знал эту шатию достаточно хорошо и особого уважения к ним не испытывал. В сущности, «серебристые» ловкачи не имели и представления, что такое настоящая охота, хоть и осмеливались называть себя полноценными стрелками. Вот и от этого красавчика пахло чем-то неестественным – некой смесью цветочной пыльцы и жареного миндаля. Петру стоило большого труда взять себя в руки.

– Доброй охоты! – буркнул он.

К нему обратилось пухлое личико.

– Я их первый заметил, – сварливо заявил юнец, и Петр мысленно выругался. Стыдно стало за собственную вежли-

вость, будто и впрямь сказал что-то неприличное.

– Вот и работай, если первый. Стреляй и проваливай.

Фыркнув, юнец вновь начал целиться.

– Не промажь, красавчик, – съязвил Петр, искренне желая сопляку неудачи.

Юнец выстрелил. И не промазал – рука у стервеца оказалась твердой. Самка гамона вздрогнула, начала медлительно заваливаться. В глазах ее мелькнула характерная влага, а кудлатый самец испуганно подхватил подругу, что-то трепетно залопотал.

– Ну, как? – теперь уже «серебристый» глядел на Петра насмешливым взором. – Неплохо, верно? А теперь, с вашего позволения, я удаляюсь.

Ясный лоб, кудельки справа и слева, чуть загибающиеся на концах ресницы – какой там, к небесам, охотник! Сопляк и баловень судьбы!

Петр неприязненно отвернулся. Дождавшись, когда пухлощекий обладатель серебристого пояска скроется из виду, опустил на глаза широкодиапозонный бинокляр. Самец – это вам не самка! Тут надо бить без промаха!

Высокие частоты, как и ожидалось, ничего не дали, поэтому пришлось пройтись по всем шкалам, и только в инфракрасном спектре охотник уловил кое-какие намеки на сердечную мышцу монстра – слабую пульсацию далекого багрового камушка. Увы, изображение оставалось смазанным, едва просматриваемым. Трудно попасть, когда видишь такую

мишень!...

Он снова потянулся к верньеру настройки, и в эту самую секунду гамон его почувствовал.

Никто из жителей Занебесья не понимал, как у гамонов это получается, но неведомым образом эти твари все чаще и чаще выявляли охотников. Не спасала ни листва, ни высота деревьев. Тяжелая и мутная волна накрыла стрелка, заставив скорчиться от боли, обхватить руками шершавый ствол. Что особенно плохо, в последнее время среди амо участились смертельные исходы. Даже если охотник возвращался домой на своих двоих, никто не мог сказать с уверенностью, доживет ли он до утра. Обширный инфаркт, инсульт – бе-долагу могло свалить что угодно. В лучшем случае у стрелков еще несколько дней разламывалась голова и покалывало сердце. Над темой экранирования бились лучшие из умов, однако особо обнадеживающих результатов пока не получили. Самые удачливые из верхолазов теперь частенько возвращались ни с чем, многих отчаяние подталкивало на перевооружение – то, чего раньше откровенно стыдились, о чем даже не заговаривали в приличных компаниях. Добрый лук считался оружием честным и вполне достаточным. Пороха, лазеров и прочих технических новинок небесные стрелки чурались. Впрочем, времена менялись, изменилось и отношение к оружию. В дополнение к традиционным лукам теперь позволялось брать скорострельные ганфайеры, лучеметы и многоствольники. Самое странное, что и эти совершен-

ные машинки порой оказывались совершенно бессильными. Каким-то шестым чувством гамоны начинали понимать, что в них целятся, и били в ответ телепатическими волнами.

Петр не был желторотиком. Кое-что о повадках этих тварей он знал, как знал, к примеру, что с телепатоатакой тоже можно по-своему совладать. Если вовремя должным образом отреагировать. Вот и сейчас, справившись с первым болезненным спазмом, он отвернулся в сторону и с нарочитым равнодушием поднял над собой лук. Шутливо прицелившись в свиристящую на дальней ветке пичугу, мысленно и от души ругнул ее.

Трюк сработал. Неприятная тяжесть над желудком немедленно исчезла, рябь перед глазами поблекла. Гамон явно терял его из виду.

Еще чуток терпения! Это все, что от него требовалось. Теперь, после того «серебристого», гамон будет настороже и отреагирует быстро. Поэтому изо всех сил надо стараться думать о постороннем. Словно и нет внизу этой парочки, а в руках у Петра вместо лука невинная арфа.

Какое-то время он разглядывал писклявую пичугу, пробовал даже плюнуть в нее, но не попал. Шум в голове потихоньку утих, охотничье волнение улеглось.

Решение пришло внезапно, и с той же внезапностью Петр вскинул лук. В доли секунды визор поймал расплывчатое багровое пятно. Пульсация подтвердила, что целит он верно. Пальцы стиснули оперение стрелы, тетива с легкой дрожью

натянулась. Вот теперь гамону не увернуться!..

Щелчок!

Пальцы распрямились, и одновременно Петра качнуло от жуткого нутряного удара. Он чуть было не полетел вниз. Перехватило дыхание, глаза заволокло багровой пеленой. И кузнечики, стрекочущие кузнечики вокруг.

Обморочно и звонко шумело в голове. Держась за ствол, Петр рассеянно смотрел вниз. Раненный гамон ворочался разъяренной тушей, явно ощущая дискомфорт. Стрела угодила, куда надо, вошла по самое оперение. И все-таки куратор оказался прав. Твари мутировали с пугающей быстротой. Еще в прошлом веке им хватало одного-единственного жала, а нынче, чтобы свалить иного монстра, требовалось немалое количество попаданий. Даже счастливчик Бун рассказывал, что для отстрела последней своей жертвы ему понадобилось пять стрел. Пять заговоренных стрел на одного гамона! Подумать только!..

Дрожащей рукой Петр потянулся к колчану, но, пошатнувшись, понял, что ничего у него не выйдет. Он – не Бун, и пяти выстрелов не осилит. Словно радаром, гамон продолжал ощупывать пространство. Легкие лучики шпагами пронзали листву, выискивая цель.

Петр зажмурился. Угодить еще под один удар – значило свалиться вниз и погибнуть. Можно было не сомневаться, сделать очередной выстрел гамон ему попросту не позволит, а если и позволит, то тут же добьет. Не те годы и не то здоро-

вье. Это молодым можно шустрить да рисковать, старичкам следует всерьез остерегаться волновых ударов.

Петр со вздохом утер мокрый лоб. Жаль было себя, жаль было потраченных усилий. И все же следовало уходить. Как ни крути, а у него за сегодняшний непростой день это было уже третье накрытие.

– Ну и бес с тобой! А мы от бесов вернемся к небесам...

Скрежеща зубами, Петр забросил лук за спину и включил тягу. На самой малой скорости, чтобы не кружило без того ослабевшую голову, взмыл над лесом, лишний раз про себя отмечая: все-таки весна! Несмотря ни на что! Еще вчера все кругом было голо, прятаться казалось абсолютно невозможным, и вот в считанные часы леса накрыло зеленой дымкой, почки взорвало листовым тестом, и полезла, поперла во все стороны неукротимая жизнь, создавая надежную грань между землей и небом. И впрямь что-то вроде гигантского щита. Только кого и от кого способен защитить нынешний щит, следовало еще разобраться.

Стараясь держать ровную скорость, Петр взлетал выше и выше. Первое же облако укрыло его от возможных глаз. Находящийся на посту амо приятельски кивнул.

– Можно поздравить?

Петр печально качнул головой. Лицо стража посуровело.

– Сегодня у всех непуха. Ты уже восьмой.

Петр хотел помянуть про юнца, застрелившего самку, но сил шевелить языком не было. Вместо этого он включил

форсаж, одним махом вынырнув из облачной вязи. Земля, качнувшись, понеслась от него, все более округляясь по горизонту, из плоскости мало-помалу превращаясь в шар. Ладонь правой руки Петр положил себе на грудь. Так было легче переносить боль. А она по-прежнему не уходила. Точно нарыв ныла и пульсировала, перекрашивая волшебный мир в темные и нерадужные цвета.

Старый Рума не поленился лично спуститься к нему. Не забыл еще, что некогда вместе сживали на ветках, выцеливали из луков и арбалетов дичь. От завивки Петр отказался, но против массажа протестовать не стал. Вкупе с болеутоляющим волшебные пальцы опытного мастера сделали свое дело: из салона Петр вышел значительно посвежевшим. Если бы не легкое нытье в левой груди, все бы ничего. Во всяком случае теперь можно было смело поворачивать на склад – обновить запас стрел, а может, присмотреть и оружие помощнее. Впервые Петр не испытывал угрызений совести из-за таких мыслей. Возможная замена лука на какую-нибудь автоматику больше его не смущала.

Не раз и не два по дороге он присаживался на воздушные облачные скамеечки, бросал под язык желтые таблетки райского элексента. Не слишком мужественно, однако не в его положении бравировать тем, чего нет. В третьем по счету

облаке Петр нашел себе компанию в лице такого же воина-подранка. Темный истертый пояс, шрам на лбу, сильные руки и усталые глаза — все выдавало в амо неудачливого охотника. Запах, разумеется, был соответствующий: крепкая медовуха, элексент и ароматная горечь кедра. Они ничего не сказали друг другу, лишь обменялись дружескими кивками. Все было ясно без слов: похожая судьба, схожие неудачи, а в будущем, вероятно, и одинаковые болезни...

Уже приближаясь к зданию склада, Петр услышал гам и шум. Обычно тихое и спокойное, место на этот раз было заполнено оживленными толпами амо. Петр приостановился у ворот, недоуменно сдвинул брови. Колонной, распеваящей маршевые песни, мимо прошагала рота юнкеров. Юнцы, желтоволосые и пухлогубые, еще не ходили вниз и по сему на мир глядели бедово, а глотки драли, точно земные дрозды. Петр насмешливо скривился. Кое-кто из бравых молодцев еще посасывал резиновую пустышку. Удивительно, но ныне это стало нормальным, почти модным! Никто и не думал смеяться над великовозрастными любителями сосок. Старикам оставалось только крякать: о, времена, о, нравы!

Пройдя на склад, Петр с печалью пронаблюдал, как те же пухлогубые стрелки без колебаний переходят к полкам с многосложной оптикой и стальными воронеными стволами. На стеллажи с пращами и луками никто из юнцов даже не глядел. Ясно было, что труд верхолазов, прячущихся

среди верхушек деревьев, их немало не прельщает. Думают, небось, парить на комфортных облаках и оттуда с безопасной верхотуры выцеливать беспечных гамонов. Вот они последствия прогресса! В старые времена, если верить скрижальям, на гамонов выходили с легкой рогатиной и кинжалом. Притиснул к земле, сделал стремительный выпад – и победа! Вот были амо! Мужественные, без какой-либо серебристой примеси. Настоящие тореадоры!..

Не желая топтаться рядом с юнцами, Петр отправился дальше.

– Подыскиваете что-нибудь компактное? – начальник склада, колченогий крепыш с изуродованной ступней, поднялся из-за стойки, шагнул навстречу. Глаза умные – вприщур, на смуглой груди – ожерелье из нескольких десятков каменных кругляшей. Каждый кругляш – пораженный гамон. Невольно сравнив собственный боевой счет с коллекцией этого снайпера, Петр почтительно кивнул:

– Надо, знаете ли, попробовать...

– Бросьте, – радушно прогудел кладовщик. – Старого воюку издалека видать. И нечего тут стесняться. Если даже Совет разрешил, почему бы и не испытать, в самом деле? Гамон нынче злой пошел да живучий, на стрелы практически не реагирует. Да вы это лучше меня знаете. Судя по вашему виду, досталось вам изрядно. Когда это случилось? Вчера?

– Сегодня.

– Даже так! – кладовщик уважительно покачал головой. –

Сколько раз ударило?

– Три накрытия.

– Крепко! А выглядите, признаться, молодцом! Ей Богу! – кивнув в сторону галдящих юнкеров, кладовщик потер украшенную иероглифом щрама щеку, с печалью в голосе проговорил: – Видали? Эти гаврики хватаются за то, что помощнее. Думают, поможет. Только я вам так скажу: нашему брату солиднее охотиться с легким и простым оружием. Вроде стандартного мушкета.

– Вероятно. Я, собственно, и хотел с вами посоветоваться.

– Все правильно. Уж своему-то я врать не буду, скажу все, как есть... Вот, могу порекомендовать одну из неплохих моделей. Не самая современная и эстетичная, зато надежная. Пять стволов и пять зарядов. Одно нажатие курка, и сходу попадаете в гамона критической дозой.

– Надо только попасть, – пошутил Петр.

– Точно. Попасть – никогда не мешает. Но после лука из такой штучки разве что ребенок промажет, – кладовщик качнул на руках замысловатого вида мушкет. – Вот добротная штучка. Пробивает любое укрытие. Можно бить по гамонам через стены и крыши. Дробный заряд позволяет накрывать приличную площадь, так что можно особенно и не целиться... А хотите, попробуйте ганфайер с инфракрасным наведением. Вон он у меня – в углу стоит. Фиксация цели идет по излучаемому теплу и пульсу. Скорострельность – шесть зарядов в секунду.

Петр твердо покачал головой.

– Не годится.

– Согласен! – кладовщик понятиливо усмехнулся. – Красиво, шумно, но не для нас. Потому как пока техника будет фиксировать да распознавать, гамон вас десять раз по листу размажет.

Петр кивнул. Кладовщик был тертым парнем, толк в охоте действительно понимал.

– Ну что? Значит, мушкет?

– Давайте.

– Кстати, можете попробовать подводный вариант. То есть, если, конечно, любите нырять и плавать. Подкрадываться и целиться сложнее, согласен, зато и гамон вас почти не чувствует. В последнее время таких охотников становится все больше.

– Спасибо, я уж как-нибудь на суше. Привык, знаете ли, к деревьям...

– Тогда удачи! – начальник склада упаковал мушкет в кожаный чехол, к чехлу приложил увесистую коробку с патронами. – Если будут замечания, приходите. Своему всегда рады помочь. Я ведь тоже когда-то этим баловался. Пока не брякнулся после накрытия с дерева. Нога – вдрызг, пара ребрышек наружу выскочила – в общем видок был аховый. Спасибо друзьям эскулапам – вытащили... Кстати, про конверсию с мораторием ничего не слышали?

Петр покачал головой.

– Ну и ладно. Может, просто слухи... – Прощаясь, кладовщик крепко стиснул ладонь Петра, еще раз от души пожелал удачи.

– Главное, не вешайте нос и не забывайте: без нас все пойдет прахом. «Серебристые» и прочая мелюзга погоды не делают, этот мир держится исключительно на таких, как вы.

К вечеру Петр узнал, что погибли два знакомых верхолаза – Маячок и Ярослав. Оба в один день. Все получилось до обидного просто – почти как у него, только с летальным исходом. В самку опять выстрелил кто-то из «серебристых». Ярослав с Маячком не успели даже поднять луков. По неписанным правилам более честно было выпускать вперед охотников на самцов, да только «серебристые» знали, что начинается после. Обозленные гамоны, бывало, цепляли случайной волной всех подряд, сшибая амо на землю словно перзревшие плоды. Разумеется, «серебристых» подобная перспектива не прельщала. А потому сплошь и рядом они норовили опередить охотников на самцов. Самка гамонов практически никогда не отвечала телепатическими атаками. Да и хватало ей как правило одного-единственного заряда, как в старые добрые времена. А потому не водилось у стрелков дружбы. Уже давным-давно.

Виктор, седой ветеран с сильными руками, сосед и при-

атель Петра, рассказал, что около часа назад в кабачке отметили компанию «серебристых». Может, и не тех, которых следовало, но так ли уж это важно? «Серебристые – они и есть серебристые!..» Даже посланники архишефа не сразу успокоили драчунов. Страсти накалились до предела. Кто-то даже сгоряча предложил бастовать, требовать пересмотра первого закона. А до тех пор не охотиться. Вообще.

– На это разрешения не дадут, – возразил Петр. – Очень уж круто.

– Вот, чудака-человек! На то она и забастовка, чтобы не спрашивать разрешения. Глядишь, и к закону небесные власти более пристально присмотрятся. – Виктор приложил к уху свой любимый трофей – раковину из Эгейского моря, словно услышав нечто доброе и умное, удовлетворенно кивнул, взмахом подозвал официанта. Спустя пару мгновений тот уже ставил на столик пузатую амфору с медовухой. Два хрустальных бокала, вазочку с горкой крапчатых акрид.

– Но ведь это первый закон! Охота на гамонов – почетный долг и обязанность каждого совершеннолетнего амо... – Петр в сомнении покачал головой. – Кто такое осмелится пересматривать?

– Ясно, что никто. Но наверняка призадумаются над сложившейся ситуацией. – Виктор налил из амфоры, первый отхлебнул. – У-ух! И вкусно, и крепко? Это вам не земное бродилово!

– Вкусно, – согласился Петр. От первого же глотка в голо-

ве у него приятно зашумело. Даже боль в груди чуть поутихла. Он с удовольствием огляделся. Этот кабачок ему всегда нравился. Уютный, чуть покоящийся на солидном облаке седьмого уровня, музыки и света – всего в меру. При желании он мог и раскачиваться с положенной для подобных заведений амплитудой, скорее усыпляя, нежели кружа голову. Симпатичный голубоглазый тапер ласкал пальчиками бело-черные зубья клавесина, ему вторил на лютне пристроившийся в углу подросток. Играли, надо признать, неплохо. Негромко и мягко, что преимущественно и любили жители Занебесья. Внешняя музыка не должна заглушать внутренней. Иначе это уже не музыка.

– Да, дорогой Петр! Дел у наших архистратегов, конечно, по самое горлышко, да только и земным проблемам следует уделять внимание. А первый закон – что ж... Он, конечно, хорош, но ведь и хорошие законы нужно чем-то обеспечивать? А кто нынче этим занимается? Власть?.. Нет. Исключительно такие, как мы с тобой.

– Верно, – Петр припомнил слова ветерана со склада.

– Вот и рассуждай дальше. Картину в целом никогда не рассмотришь, но можно улавливать тенденции, понимаешь? Проблемы наблюдались и раньше, кто спорит, но с ними справлялись. Теперь же – иное дело! Гамоны стали другими.

– Они мутируют.

– Верно, мутируют. И нашему брату с каждым годом ста-

новится сложнее и сложнее.

– И где же выход? Думаешь, изменения в законе что-нибудь изменят?

– Кто знает... Я ведь не раз уже про это размышлял. Может, на самом деле, имеет смысл на них плюнуть?

– Плюнуть? – поразился Петр. – Как это возможно? Мы же для них это... Вроде земных пчел. Не станет нас, они же там вымрут. Уже через полвека лет размножаться разучатся.

– Это ты так думаешь! А они так вовсе не считают, – Виктор залпом допил из бокала, вплотную приблизил к собеседнику свое побагровевшее лицо. – Знаешь, Петруш, временами мне начинает казаться, что мы им вовсе не нужны, понимаешь? Совсем! Каждый сам себе придумывает жизненный смысл, вот мы и придумали. А гамоны, к твоему сведению, давным давно выучились размножаться и без нас.

– Что ты такое говоришь! – Петр даже испуганно осмотрелся.

– То, что слышал. Им так даже проще. И не верти головой, про это уже многие шепчутся. Потому что факты говорят сами за себя, и статистика – суровая вещь!

– Ты изучаешь статистику?

– С некоторых пор приходится. Жизнь вынудила. Так вот, петруш, ты знаешь, скольких гамонов мы подстреливаем ежегодно?

Петр покачал головой.

– Вот именно, что не знаешь! И другие пребывают в счаст-

ливом неведении. А ты возьми и полистай как-нибудь небесные сводки. Уверен, все твои кудри встанут дыбом! Потому что семьдесят с лишним процентов уходит на сторону. Семьдесят! Подранки, а то и вовсе чистые. И у большинства, заметь, появляется потомство. Вот тебе и первоисточник мутаций! Подранок родит более злого потомка, а тот в свою очередь обходится без наших стрел, и получается поколение особо невосприимчивых. Неуязвимые!

– Ученые объясняли, будто у гамонов нарастает что-то вроде сердечных мозолей...

– Слышал! – Виктор пренебрежительно отмахнулся. – Кальциевая скорлупа миокарда, хитин-холестерин и прочая абракадабра. Только нам-то что до этого? Мы свое дело делаем честно, согласен?

– Ну, да, – Петр заметил, что приятеля заметно развезло от выпитого.

– Вот и соображай дальше, Петруш. Дело мы свое исполняем должным образом, а там внизу с каждым годом хуже и хуже. Спрашивается, почему?

Петр нахмурил лоб.

– Может, из-за путаницы со стрелами?

– Ерунда!.. То есть, стрелы, конечно, тоже порой путают. И мишени путают. Кстати, на «серебристых» в этом смысле я даже не грешу, им-то в самцов целить резона нет. Другое дело – наш брат. Уж здесь-то, верно, с досады, кто-нибудь да срывается. Садит без разбору всеми видами наконечников.

И начинается гамон лапать гамона, а гамониха слюни пускает по таким же, как она. Только у них это и раньше встречалось. Я в архивах специально копался. И мужеложство, и лесбийские игры – все пышным цветом процветало. За то архишесфы их и казнили. Помпея, Содом с Гоморрой, прочие города-городишки... Вот только... – Виктор вздохнул. – Все это, Петруша, частности. Главное, видишь ли, кроется в том, что мы тоже перестали их любить. Раньше любили, а теперь нет. Мы на них как на врагов и зверей бешеных охотимся. Понимаешь? Вот и они нам таким же макарон отвечают.

– А ведь верно! – Петр удивленно передернул плечиком. – И я на них уже иначе гляжу. В самом деле, как на врагов...

– Во-от! Дошло, значит! – Виктор ухмыльнулся. – Ты вот сегодня схлопотал от них тройку оплеух, и что? Какая в тебе небесная радость после этого осталась?

– Ну, может быть, самую чуточку...

– Брось! Никаких чуточек! Конечно, злишься и досадует. Вот и оружие свое пошел обновлять... – Виктор шумно вздохнул. – А ты никогда не интересовался, какие там внизу пословицы появились в последние века?

– Ты о фольклоре гамонов?

– Ну да!

– Как-то, знаешь ли, не приходилось вникать.

– А напрасно... Попадают, знаешь ли, преинтереснейшие высказывания! Со своим особым смыслом!

– Ну, например?

– Да пожалуйста! – Виктор фыркнул. – «Насильно мил не будешь» – хорошо, да? Или «Любовь зла – полюбишь и козла»... Чуешь, в чей огород камушек?

– Ты думаешь...

– Да не думаю я ничего, Петруш! Куда мне! Пусть архангелы да архистратеги думают, на то у них и головы. Только вот конфетка, Петруш, получается крайне неаппетитная. Мы по мере сил обучаем гамонов науке любви, они же с нашей наукой борются и воюют. Поскольку воспринимают ее как насилие над собственными душами.

– Разве это можно называть насилием?

– А почему нет? Свобода – лакомая категория. Ее всем хочется.

– Но любить – и значит по-настоящему быть свободным. Ненависть неволит.

– Ишь ты, хитрец! – Виктор лукаво погрозил пальцем. – Это с какого угла посмотреть. Ненависть неволит, верно, зато она не требует жертвенности и терпения. С любовью же все наоборот. Потому и стали они давать ответку. Чувствуют приближение света и накрывают нас яростью. Кто матом поливает, кто кулаками машет, а кто просто мысли о нас богохульные допускает. И все! Верное накрытие. Это у них шкура дубленая, а нам с тобой многого и не требуется. Чуть обругай – и уже будем корчиться от астматических приступов. Их нелюбовь стала оружием, понимаешь?

– И что же тогда делать?

– Что делать? – Виктор облапил пятерней плечо друга, притянув к себе,дохнул медовухой в самое лицо: – Я, конечно, не архангел, Петруш, и волшебных стратегий не предлагаю, но чудится мне, что эпоха пряников завершилась. Вре-
мя доставать из-за голенища кнут.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Слышал что-нибудь о Холодном Ве-
ке?.. Если нет, намекну. Все это пока слухи, но очень может
быть, что не сегодня-завтра объявят мораторий на охоту. Са-
мый натуральный. И ни одного амо больше вниз не пустят.
И это уже не какая-то там забастовка, не поправки к первому
закону, это всерьез и надолго.

– Не пустят вниз? Совсем? – Петр почувствовал, что
по спине у него стайками потекли и побежали мурашки. Эта-
кое проникшее под накидку донное течение.

– Совсем, – Виктор мрачно кивнул. – Всеобщая конвер-
сия и разоружение. Будем сидеть по кабакам, вспоминать бы-
лое и слушать шелест волн в раковинах. Холодный Век для
гамонов.

– Но это... Это же верная война!

– Скорее всего. Только иного выхода нет. Если долго пич-
кать больного лекарствами, организм становится невоспри-
имчивым к препаратам. Именно это мы и имеем на сего-
дняшний день. От рогатин к стрелам, от стрел к базукам –
а дальше что? Будем брать каждого гамона в огненные кле-
щи и атаковать побатальонно? Нет, брат, это уже тупик. Зато

лет этак через сто... – Виктор потянулся к амфоре. – Если, конечно, уцелеет, хоть один гамон, можно будет снова проведать заблудших.

– Жутко!

– Конечно, жутко. Без любви можно, наверное, размножаться, но долго жить без нее нельзя. Это суть любого гомеостазиса. Исчезнет суть, начнет распадаться система.

– Тогда зачем мораторий?

– Затем, – Виктор выпятил в его сторону палец, – чтобы они САМИ осмыслили, каково это – жить БЕЗ любви. Осмыслили и умылись горячими слезами. Чтобы эти скоты не хитином от нас прикрывались, а напротив – сами распахи-вали оболочки, упрасивали и молили нас не промахнуться. Вот тогда мы и снизойдем до них, снова возьмемся за стрелы и луки.

– Сто лет!.. – Петр ошарашенно обхватил голову руками.

– Может, и поболе. Как ни крути, а без карантина не обой-тись.

– Но ты представляешь, что у них там внизу начнется?

– Уже начинается потихоньку. Безо всякого моратория. С ума сходят, воюют, от книг отказываются. Вот и следует дать им возможность повариться в собственном соку. Чтоб прониклись! До самых корней волос!..

– Ужас!

– Еще бы!.. Что? По последней?

Петр послушно поднял свой бокал, в несколько глотков

осушил. В голове поплыл колокольный звон, несколько искристых рек слились в одну, водопадом обрушились в озеро кипящего сознания.

– Вставай – и двинули! – Виктор потянул его к выходу.

– Куда?

– Есть у меня дома одна игрушка. Покажу. Мощь – обалденная! Хоть побалуемся напоследок.

Еще не понимая толком, о чем идет речь, Петр покорно поплелся за другом.

Летели они быстро, встречный пост, не сговариваясь, обогнули по широкой дуге. Время разговоров прошло, наступило время действовать. Уже через несколько минут охотники приземлились на огромной, крытой железом крыше. Петра бил легкий озноб – привыкший к лесу, к защитному экрану листвы, он ни разу в жизни не оказывался в городе гамонов.

– Брось! – Виктор, запинаясь, волочил за собой многоствольник. – Лес или город – какая разница! Мы с тобой – бойцы верхолазы – и этим все сказано. Тактику нужно менять. Они накрывают— нас, а мы с тыла накроем их. Хватит прятаться в бузине-малине! Выбираемся из кустов – и бьем врага в его же логове! – он поднес ко рту любимую раковину, угрожающе прогудел: – Гамоны, вы меня слышите? Мы уже здесь, твари двуногие!

Оба были выпившие, обоих заметно покачивало, и все-таки Петр не мог совладать со страхом. Нарушался основной принцип охоты, когда дичь выслеживается, когда поблизости от самца обязательно находится подходящая самка, когда, наконец, самого охотника отличают чистота помыслов и доброе сердце.

– Видал, сколько их! – Виктор подтянул друга к краю крыши, пьяно загоготал: – Сейчас мы устроим этим ребятам мораторий!

Петр восхищенно глянул на друга. Дерзкий, вздернутый кверху орешек носа, мягкий складчатый подбородок, пухлые плечики и воинственно расставленные толстые ножки не вызывали ни малейших сомнений в справедливости творимого. Соломенного цвета крылья воинственно топорщились за спиной, тугой живот боевым барабаном смотрел вперед. Что и говорить, Виктор являл собой эталон амо! Удивительно прекрасный, сильный, мужественный... С трудом Петр перевел взор на разгуливающих внизу гамонов.

– Сколько же их тут!

– Сколько бы ни было – все наши!

– Но что они здесь делают?

– Как что! Вон там, под фонарями танцуют, а возле тех тополей дерутся. – Виктор хищно оскалился. – Сейчас мы вам устроим, маленькое барбекю! Любвеобильные вы наши!

– Кажется, всех примерно поровну. В смысле, значит, самцов и самок... – Петр еще пытался как-то оправдать их дей-

ствия.

– Вот и нечего ломать головы. Поровну, стало быть, поровну... Помоги-ка!

Они установили многоствольник на сошки, стянули чехол с оптического прицела. Виктор поднял крышку кожуха, вставив тяжелую ленту с зарядами, клацнул затвором.

– Видал-миндал! Новинка из последних. Для спецамо. До сих пор спорят – разрешать или продолжить полигонные испытания. Вот мы и проверим все в деле.

– Ты уверен, что это сработает как надо?

– Абсолютно! Система самонаведения по пульсу. Семь стволов, пули особого сплава и двойного эффекта. Сначала вызывают шок, лишая возможности ответного удара, а потом уже влюбляют. Но главное – скорострельность. В этом ящичке, что ты нес, ленты на полторы тысячи душ! – Виктор засмеялся. – А!.. Как тебе это нравится? За несколько минут выполним плановую работу целого полка амо!

– Да они же нас в доли секунд...

– А вот хренушки! – Виктор вскинул перед собой маленький розовый кукиш. Лицо его исказила торжествующая гримаса. – Хрена что у них выйдет, Петруш! Пьяных, фиг, засе-чешь! Они там внизу – все через одного в зюю. И мы с тобой тоже в зюю. И что в итоге получается?

– Что получается?

– А получается, брат мой Петручио, что мы сегодня такие же, как они. Мы с тобой гамоны, понимаешь? – Виктор

залился тонким смехом. Его даже икота пробила. – А гамон гамону – не враг. То есть не друг, но и не враг. Как в одной из гамоньих песен...

Петр глянул на площадь и неожиданно ощутил, что и ему становится весело. В самом деле! Они болтают здесь уже несколько минут, и никто до сих пор присутствия амо не обнаружил. А ведь это тоже охота – и какая! Они собирались бить не в одного-единственного гамона, а разом в целую толпу. Двое против сотен и сотен...

Он слепо потянулся к многоствольнику.

– Можно, я первый...

Виктор восхищенно хлопнул его по плечу.

– Наконец-то, и тебя разобрало! То-то же! Вдарь по ним, Петруха! Патронов – море, не жалея. Или со щитом, или на щите!

Петр прочнее расставил ноги, поймал в прицел группу дерущихся возле тополей гамонов. То есть даже и дракой это сложно было назвать. Просто топтались на месте, дергали друг друга за воротники, что-то кричали. Одного из упавших вяло месили ногами, попутно рослый и породистый гамон, прижав молодую самочку к дереву, отвешивал ей увесистые оплеухи. Петр ощерился, вот этим героем он в первую очередь и займется...

Палец ласково притопил спуск. Изрыгая огненную лавину, многоствольник зашелся в гулком кашле, сверкающие трассы устремились к копошащимся внизу гамонам.

– Нет любви у них, нет! – надрывался и приплясывал рядом Виктор. – И жалеть их нечего! А коли нас накроет, так и вали оно все в бездну к Титанам! Если мы не нужны, то и смысла нет. Ни у них, ни у нас!

Не слушая его, Петр продолжал садить и садить очередями. Шеренги гамонов скручивало от попаданий, некоторые из двуногих валились на тротуар, изгибались телами. Выл вращающий стволы двигатель, от тяжелого аппарата валил дым. Ничего, после остудим!.. Светлячки пуль перепорхнули чуть выше, и та же неразбериха началась среди танцующих. Петра трясло. Он стрелял и стрелял, не в силах оторваться от пулемета. Замечая, что кто-то из подраненных, ошеломленно трясет головой и пробует подняться с земли, вновь ловил их в прицел. Мораторий, братцы, – да не про вас! Воевать нравится? Душить ближних?.. Давайте!..

Один из гамонов, патлатый, с цепью на шее, прошитый пулями в нескольких местах, шатаясь, привстал, тут же повалился на колени перед какой-то случайной самочкой, порывисто обнял ее ноги, залопотал слова извинений. Вот и ладушки! Значит, проняло мерзавца! Действует начинка!.. Петр с рычанием развернул массивный ствол...

Когда патроны кончились и лязгнул упавший на крышу конец ленты, он очумело тряхнул головой и оглянулся на приятеля.

– Кажется, все?

– Все, – Виктор сидел, разбросав ноги, и в голос рыдал.

– Ты чего, Вить?

– Бессмысленно, – Виктор размазывал по пухлым щекам слезы. – Все, Петруш, бессмысленно. Несколько сотен гамонов ничего не решат.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю, я просто боюсь... – Виктор всхлипнул. – Может, мы и впрямь лишние? Гамоны – сами по себе, мы – сами... Придумали, понимаешь, идею-бзик, пашем за семерых, а им и не надо никакой помощи.

Петр качнулся к нему, грубовато тряхнул за плечи.

– Что ты городишь, брат, очнись! Разумеется, мы нужны!

– А если нет?

Виктор слезливо щурился, с надеждой глядел на Петра. Неожиданным образом роли у них поменялись. Теперь Петр ощущал в себе небывалую силу, знал, что способен убеждать и вести за собой, способен давать оплеухи и бить на поражение. Может, правду говорят, что силы влюбленного врага взмывают ввысь, удваивая твои собственные? Во всяком случае нечто похожее он действительно сейчас чувствовал.

– Мы нужны, Виктор! Верь мне! Просто не все идет, как бы нам того хотелось. Все медленно, да! – через сучки и колдобины, но это жизнь! Иначе просто не получается!

– Вали она в тартарары – такая жизнь! – продолжал всхлипывать приятель. – Никого мы не спасали и не спасем...

Петр обозлился.

– Правильно! Любовь НЕ СПАСЕТ, она – СПАСАЕТ, по-

нимаешь? Каждый день и каждый час! У них иммунитет, но и мы, небесные верхолазы, не лыком шиты. Не берут стрелы – пулями будем их курочить! Пули перестанут брать, начнем ракетами разить, бомбами и многотонными фугасами. Потому как обязаны, пакостники, любить! Каяться обязаны, жалеть, сочувствовать, помогать друг другу... Потому что если перестанут любить, остановится вообще все! Вся их хваленая дристорнаука, образование, медицина – все! Нет Земли без Неба, как и Мира без Любви!

– Все равно... Очень скоро архангелы объявят мораторий...

– Пусть мораторий, пусть крематорий, только без нас! – продолжал надрываться Петр. – Я лично буду бить в них до последнего. Сто раз буду, небо тебя задери! И ты будешь, и другие! Потому что иного нам не дано. И нам не дано, и им...

ДЕТИ ХЛЕБНЫХ ВРЕМЕН

«Если тебе плюют в спину, значит, ты идешь впереди».

Конфуций

Ползком добравшись до края лощины, Согомак некоторое время прислушивался к звенящей тишине. А может, и не звенела она вовсе, – такая уж жизнь пошла – с гулом да стоном. Так что тягучий звон вполне мог поселиться в голове навечно. Покойный Зум тоже что-то рассказывал про такое. То ли мелодию какую-то вечно слышал, то ли голоса... Согомак встряхнулся и чуть привстал. Так или иначе, но опасности он не чувствовал. Точнее, опасность была и ушла, оставив за собой смрадный рассыпающийся шлейф. Тем и отличались проводники от простых смертных – кто-то умел ощущать опасность, а кто-то нет. Если бы сам Согомак не владел даром прозорливости, давно бы сгинул в каком-нибудь из походов. Не столь уж много тараков осмеливалось покидать Пещеры, выходя на открытое пространство. А он выходил – и очень часто не в одиночку. Водил с собой группы и умудрялся сохранять всем жизнь. То есть – почти всем, потому что ВСЕХ приводить обратно не удавалось еще никому. Кто-то обязательно должен был погибнуть. Согласно жестоким правилам этого мира. Вечно голодное Простран-

ство требовало жертв, и с этим проводник почти смирился, тем более что счет его был не таким уж плохим. В худшем случае Согомак терял каждого третьего, другие не возвращались вовсе.

Собравшись с духом, он перемахнул через барьер, одним броском пересек поросшую пыльником лощину. К телу немедленно присосался здоровущий клещ, но Согомак даже не взглянул на него. Все чувства были обострены до предела, любое шевеление воздуха могло означать возвращение опасности.

Он остановился на стыке двух скал и замер перед останками тарака.

Теперь уже было не разобрать, кто это был. Ясно, что соплеменник, но более никаких подробностей. Даже мучительная смерть от газа не оставила бы столь жутких следов. Раздавленное в кашу туловище, неестественно вывернутая кисть и оскал чудом уцелевшего черепа. Что и говорить, картинка аппетиту не способствовала. Во всяком случае было абсолютно ясно, что Вихрь не промазал. Потому и нельзя задерживаться в подобных местах сколь-нибудь долго. А погибший был явно из новичков, – похоже, даже собирался расположиться на отдых. Вон – и котомку расшнуровал, скатерку под обед расстелил. Мыслимое ли дело – всего в двух шагах от Белой Скалы! Неужели не знал, что именно здесь Вихрь собирал ежемесячный урожай жизней. Урожай, надо признать, богатый.

Продолжая вглядываться в мертвеца, Согомак чувствовал, что жутковатому пейзажу чего-то явно не достает. По крайней мере мозг строптиво не желал принимать увиденное. Чуть-чуть помешкав, проводник вынул из-за пояса баязу – отточенную металлическую полосу с самодельной рукояткой – и ювелирным движением выдернул из окостеневшей руки покойника перепачканную кровью котомку. Тряхнул на весу, и наружу тотчас вывалилась пара ссохшихся, покрытых солевой нездоровой коркой ямусовых лепешек. Брови Согомака сошлись на переносице. Все было яснее ясно. Такая уж, видно, судьба выпала бедолаге. Насобирает где-то ядовитой снеди, и, не настигни его Вихрь, чуть позже наверняка бы скончался от жестоких спазмов. Еще и родных мог бы отравить. То есть, если бы успел, конечно, добраться до дома. Впрочем, возможно, и не было у него никакого дома. Жил себе в какой-нибудь берлоге, как тот же Умник, коллекционировал камни с рисунками и подбирал все, что плохо лежит.

Согомак нагнулся ниже, взглядом проследил за вереницей потемневших капель. Петляющей дорожкой они тянулись от мертвеца куда-то в сторону. И снова тревожно запульсировало под темечком. Вот оно! То самое, что насторожило с первых мгновений. Если Вихрь разбивает жертву, подобных багровых дорожек просто не бывает. И еще... Очень уж мало осталось от мертвого таракана. Настолько мало, что Согомак тут же припомнил о мертвом поселении парков.

Кажется, нечто подобное он имел счастье наблюдать именно там.

Всматриваясь в зыбкий след, Согомак приблизился к краю поросшей пыльником лощины, повернул направо. Тот, кто успел навестить погибшего до проводника, явно старался не следить. Как известно, пыльник способен хранить след на протяжении длительного времени. Погибшую группу того же Бортника Согомак нашел только благодаря внимательному осмотру местности. А ведь с момента гибели там минуло чуть ли не полтора десятка сезонов! И все равно отыскал...

Согомак застыл на месте. Прямо перед ним алела закоростевшая лужица. В центре лужи красовалась потемневшая ступня – еще одна часть тела неосторожного тарака. Увы, догадка оказалась верной. В окрестностях Пашни действительно промышляла команда канибалов.

Легкий звон наплыл справа, и Согомак невольно пригнул голову. Но звон летел ровно, не суля неприятностей. То ли парил над землей далекий птерон, то ли выискивали добычу летучие мороки. Ни те, ни другие серьезной угрозы для племени таракон не представляли, и все же, задерживаясь здесь, Согомак здорово рисковал. Не столько собой, сколько теми, что остались в лачуге Умника. Как ни крути, а от Пещер они отошли уже на приличное расстояние. Пропали они сейчас без вести, и легко может случиться, что назад к Пещерам никто из них не выберется.

Порывистым движением Согомак забросил найденную котомку через плечо, знакомой дорогой поспешил обратно. Лощину пересек с той же головокружительной скоростью и только за скальной грядой позволил себе отдышаться. Тактика была проверенной. Даже самый стремительный Вихрь не угонится за бегущим тараканом. Главное – не медлить и не стоять на месте. Вихрь, если ему позволить, вмажет так, что мокрого места не останется. Разнесет в кровавые брызги, как того бедолагу.

Передохнув, Согомак стряхнул пытающегося присосаться к пояснице клеща и ровной трусцой спустился в низину. Стоило ему одолеть последний поворот, как он различил голоса своих спутников.

– ..Смешно! Всю жизнь болтаем об одном и том же! Конец света, конец света... Да вы, родные мои, с началом определитесь, а потом уже о конце толкуйте!

– Ну, начало, положим, далеко. Пойди проверь, как оно там все начиналось. А вот конец близехонько.

– Это наш с вами конец близехонько, а жизнь никуда не денется! Как течет, так и будет течь. Я ведь не просто так из Пещер ушел! В этих местах, может, и солонее жить, зато тише. И разум в тишине обостряется, и размышлениям предаваться любо-дорого.

– Смешной ты, Умник! Над чем размышлять-то?

– Поразмышлять, милые мои, всегда есть над чем. Только для этого тишина потребна. Пустота – лучшая ловушка для мыслей. Попробуй влей что-нибудь в бутыль полную браги. Все тут же обратно пойдет. Так и мы с вами. Сказать честно, вы ведь там в своих норах не живете, а только время убиваете. Даже поговорить толком не знаете о чем. Одними сплетнями и проживаете.

– А ты знаешь про что говорить?

– Конечно, знаю. У меня, милоч, тело легкое, а голова ясная. Я о Пространстве думаю, о жизни, о всех нас. Старикам всегда есть, о чем призадуматься. Это наше главное достоинство, так сказать, последняя ступень развития. А в ваших поселениях, извини меня, жизнь давно скисла. Что старики, что молодежь – все только о печеностях с ямусом и думаете.

Согомак неслышно вошел в хижину, приблизившись к товарищам, присел рядом. Разглагольствовал, разумеется, Умник. Нервно теребя усища, часто и не к месту размахивал руками. Рад, наверное, был что обрел слушателей. Ясная голова – дело хорошее, однако и такой головушкой перед кем-то надо блеснуть. А этому отшельнику в последнее время только со стенами и приходилось беседовать – и то шепотом да вполголоса, чтобы не привлекать внимание Вихрей.

Кревет, самый молодой и любознательный из участников похода, собрал лоб в задумчивую гармошку.

– Ну, положим, про нас я спорить не буду, действитель-

но скисаем. Но мир-то все равно не объять. Ни разумом, ни взглядом. Тогда к чему все твои размышления?

– То есть – как это не объять?

– Известно – как. Если вселенная расширяется да еще со скоростью камнепада, как же за ней угонишься?

– Ученых сказок наслушались? – Умник фыркнул. – Знаю, помню. Эффект расползающейся Паутины, разбегающихся волн и так далее.

– Разве не так?

– А вот ты поживи с мое, дождись, когда усы от старости пожелтеют, да здесь сотенку-другую сезонов понаблюдай за Пространством – тогда и поймешь что к чему. – Умник сердито пошевелил челюстями, отчего усы его еще больше встопорщились. Сморщенное лицо рассказчика стало откровенно страшным, но этого никто не заметил.

– Так вот, мой дорогой, знаменитый эффект Паутины, конечно, любопытен сам по себе, однако, по моему глубокому убеждению, связан прежде всего не с Пространством, а с возрастом живущих.

– С возрастом?

– Именно с ним. Все та же пресловутая относительность. Трактуйте Пустоту шире, ребятки! Не замыкайтесь на одной только скорости, и мир сразу станет проще. Время действительно увязано с Пространством – что верно, то верно, однако последнее теснейшим образом связано с нашим внутренним мироощущением. – Выдав столь замысловатый перл,

Умник с видом превосходства оглядел собравшихся. – Да, дорогие мои! Пока мы вырастем, вселенная представляется нам огромной и разбегающейся, но как только наступает старость, приходит осмысление истины, реальные границы мира подступают вплотную, и начинаешь отчетливо видеть, что мир мал и кубичен. Нет в нем ни простора, ни плоскостей, ни устойчивых шаровых образований.

– Что же тогда есть?

– А есть лишь повсеместно сжимаемые кубические пространства. Песчинки времени осыпаются, тускнеют тела, – и с каждым годом мир становится теснее. – Умник постучал себя по голове. – Сначала здесь, а потом и вокруг. Мы сами его сжимаем, понимаете? Каждый по отдельности, и все вместе. И кстати сказать – весь наш чертов прогресс способствует тому же самому.

– Я слышал, – вмешался Согомак, – старики рассказывали, что раньше жили в мирах просторных, многоуровневых. Встречались даже такие, что в несколько переходов невозможно было одолеть. То есть, правда ли нет, не знаю, но старикам можно верить.

– Вот! – Умник торжествующе указал на Согомака. – То самое, о чем мы и толкуем. Повсеместное и необратимое сжатие вселенной! Это раньше были усадьбы, сейчас – все больше приусадебные участки. Замечаете нюанс? Участки по-прежнему зовутся ПРИусадебными, хотя усадеб, как таковых, давно нет. Вместо дорог – подорожки, вместо по-

строек – пристрой. – Умник мелко захихикал. – Вы и Вихрь не в состоянии увидеть, потому что смотрите не туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.